

НЕБЫЛИЦА

ТВОЯ ХОЗЯЙКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анна Спиридонова

Небылица

<https://litres.ru/56060350>

SelfPub; 2026

Аннотация

Катю мама не учила выбирать мужчин. А она слишком рано повзрослела. Но смогла стать примером для многих женщин, через целый ряд не удач. Каждая из нас в душе Екатерина Викторовна и у каждый хоть раз в жизни был Рожков. У всех была первая любовь, и большая удача, если она не оставила шрам на сердце.

Содержит нецензурную брань.

Анна Спиридонова

Небылица

Зачем здесь этот ковёр? Полная безвкусица... и зачем на мне такое неудобное утягивающее платье? Опять? И почему все мне улыбаются, и даже те, кто имени моего не знает? Наверное, потому что стейк на фуршетном столе халявный. Мне знакома панорама вида с балкона этого высоченного здания. Вглядываюсь в окна. Умиротворение.... Но вот мои туфли сегодня чувствуют себя не уютно. "Хозяйка, нам ещё рано вылезать из коробки, весна ещё не пришла!" Да... весна, может, и необходима, чтобы матрица перезагрузилась, и чтобы вентиляция проветрилась... Но, увы... Я весну ненавижу.... Сейчас бы просто раздеться.

– Катерина Викторовна, ещё шампанское привезли. Его тоже выносить?

– Да. Всё сюда.

Шампанское ... аномально сладкое, со вкусом дешевой водки. Я помню этот привкус. Как давно это было, но как свежо в памяти. После глотка такого пошла в груди сжимаются все клетки дыхательных путей, а мозг умоляюще стонет: «стооо-ооой!! Ты нас убьешь!» Но, как правило, еще два бокала, и жизнь приобретает другие краски.

– Конечно, убьёмся, киса! Один раз живём! Чё тут думать?

– Меня Славка придушит, Оль!

– Тебя это когда-то останавливало?! Покажи мне того, кто тебя остановит! Я брошу пить и сразу выйду замуж! Пошли звезда! Звездить!

Звездить, в её понимании, мое коронное и единственное, к тому же, умение. Ну, а что ей терять? У неё любовь. Она дарит её троиим счастливым, каждый из которых сейчас в командировке. А мой одуревший от клубного веселья мозг, плавится и бьется в попытках организовать план, как по приезде домой, мне пробраться и улечься в постель ни кем незамеченной? План не придумывается, а Ольга снова уплыла. В глазах от пульсирующих софитов устойчивая густая пелена, плывущие мимо приведения-люди. Чья-то потная ладонь дерзнула дернуть за крошечную юбочку кислотного зеленого цвета.

– Руки! Руки убрал!

– Ты прикольная!

– А ты урод! Отвали!

А может и не урод, мне ведь ни черта не разобрать после количества, выпитого. Водка, отвертка, Б-52, и, по-моему, этих «бэ» уже реально было пятьдесят два. Коктейль из поглощающих здравый рассудок хауз-битов и алкоголя делает своё дело.

– Я тебе, хочешь, бухла куплю? Что ты пьёшь?

Хоть убей, ни разберу, что он говорит. В ушах лопнувшие перепонки, а глаза сквозь клубы дыма еле умудряются разглядеть очертания фиолетовых губ на лице человека с потной ладонью, которая всё ещё не слезла с моих бёдер.

– Что?

– Что пьёшь, спрашиваю?

– Всё!

Вижу доплывшую до меня Ольгу, к слову, этот дивный складный стан не узнать я просто не смогу ни тогда, ни сейчас. Красивая, щекастая, жопастая, не высокого роста, болтливая и всегда веселая. Точная копия своей матери, что способствует простому способу общения между этими двумя: они не выносят друг друга, но в то же время они такие души: самые родные и близкие друг другу люди.

Во всех смыслах и проявлениях весёлости, Ольга та, с кем покоряются любые вершины, но и с ней же обычно с них скачиваешься, не всегда на саночках, чаще набивая здоровенные шишки. А точнее говоря, если ты утром проснулась, и ты жива, значит, миссия выполнена безупречно, и вы переходите в следующий тур.

– Кисаааа!! Танцуем или пьём?

Не расслышать её не возможно, перекричит любое музло.

– Мать, я в гавно! Мне надо домой. Едем, а? Меня убьёт Рожков!

– Привет, я – Владик, мы с твоей подругой хотим танце-

вать! Присоединишься? – Тянет к Ольге руку мой новый знакомый.

– Я – Оля, а это Катя. Катя у нас не в адеквате...

– А ты смешная. Вы вдвоём?

– Блин, Смолина! Меня убьёт, тебя убьёт. Я еду домой.

Ты оставайся.

– Да брось, киса. Приедешь, а Рожкова опять нет дома. Он тебе всё простит. Видишь, мужчина угощает.

– Катюша, давай пьём и едем. Куда, не важно, можно с тобой и на край... чего там край?

– А Лёльку кто с утра развлекать будет? Я в хлам, на ногах еле стою, Оль.

Нет, их не перекричать. Начинают гудеть ноги. Черт его знает, сколько мест за эту ночь облазили, и сколько раз за это время я уже представлялась по имени. Знаю одно, «пора ехать» я твержу уже не первый час. А ведь, по сути, кто меня удерживает? Ольга? Нет, боже упаси, она одна может войти в «воду» и на завтрашний день оказаться во всех заголовках известных местных газет и без моей помощи. Этот идиотский Владик с потными ладонями? Да тоже вряд ли, таких Владов сегодня было штук пять, и все охочие до кислотной салатовой юбки и моего молодого бюста кормящей годовалую малышку матери. Сегодня не стыдно, но что будет завтра?!! Влетает очередная порция виски с колой, а ноги, естественно, после «экстренной дефибрилляции» моего настроения отправляют меня на заметно опустевший танцпол.

Снова. Я – богиня. Все, кто остался на танцполе, свои взоры устремили на меня. Высоченные каблуки, моя мини-юбочка, прикрывающая округлые бёдра, длиннющие волосы, разлетающиеся в такт очередного незатейливого «под утреннего» бита, довольное лицо и ноги, длиннее которых только шест на сценическом подиуме, на котором крутится клубная обнаженная «палка». Получила, курица? То-то же. Все смотрят на меня. Ну и что, что Рожков уже стоит с битой у порога дома? Ну и что, что завтра весь день болеть башке от дешевого пойла. Лёльку укачала, зачмокав её сладкое маленькое личико перед сном. А утром отвезу её к родителям у них как раз традиционный воскресный обед. Там и отосплюсь под шумок. Рожков сам дурак. 20 лет бывает один раз в жизни.

– Катерина Викторовна.

Глоток шипящего желтенького яда в моем бокале возвращает в «сейчас». Боги, и что сюда намешали? Этой гадостью можно людей пытать. Как я могла раньше пить его, есть его и плавать в нем.

– Катерина Викторовна, Вам сейчас Олег Брюсович слово передаст. – Отвлекает от дум меня моя помощница.

– А Олег Брюсович сам где? Пачкает галстук пятнадцатым по счёту куском осетрины?

– Я... я не знаю. Уточнить?

– Ладно, не надо. Пусть ест, лишь бы микрофон слюной

не забрызгал. Смотри, чтобы на шампанское не налегал, оно сегодня слегка необычнее прежних.

Столько обжорных задниц в городе я уже успела встретить на своём пути, а сколько ещё встречу. Но главное сегодня, это снять поскорее модное тряпичное неудобство со своего тела. Видимо, модницы нашего города обходятся совсем без воздуха.

Мне часто удаётся подарить себе минуту – другую, чтобы окунуться в процесс воспоминаний. Иногда это происходит без моего ведома, но чаще я сама виновник мыслительного круговорота в моей голове. Вот и сейчас. Так свежо, как вчера. Где остались эти дни, где Лёлька ещё крошечная с пухлыми щеками и изучающим взглядом. А сейчас такая взрослая, что скоро и называть – то себя так запретит.

Мне, тогда ещё девочке, которая не видела ничего дальше своей груди, казалось, что в жизни можно исправить всё, переделать, сделать всё самой за других.

Как же назывался тот клуб? Монако... Монахи... Мохито. Не вспомнить. Да какая теперь, в принципе, разница? Дела столетней давности. С тех пор все поменялось, давно я уже не замужем. Уже сменила халатик хозяйки косметологического кабинета не в самом центре нашего города N на кресло руководителя медиа паблишхолдинга «Фьюча Лэнд», вытащила себя из кучки г*вна под названием «Куриное Ложе», поселилась в уютном уголке с взрослеющей дочерью, давно уже похоронила свою салатовую юбку шириной в резинку

для волос, и нет уже среди моего круга «бывшего» напряжения.

В общем, тот вечер, 7 лет назад, закончился очередным привычным для меня тогда, настоящим кошмаром.

В свете софитов продолжаю расплываться в танце. Люблю танцевать.

Как чувствую, так и умею, отсюда и люблю. Во время слушания музыки возникает эффект схватывания частоты и пульсации волн, будь то музыка электронная, у нее свое настроение, конечно, либо же музыка классическая, а есть музыка этническая, не меньшее для меня наслаждение. Но сегодня я схватываю ритмы ночного города, а точнее уже под утро, города усталого, отдающего последние силы молодости этому сумасшедшему хаосу и раздраю. Мне в кайф. Сначала закрываются глаза, затем тело начинает реагировать на музыкальные позывы отдаться страсти. Никогда с этим не борюсь, считаю, что совершенно бесполезно отказывать себе в эту минуту в этом удовольствии. Это одно из самых сильных впечатлений. Я даже представить себе не могу, как я при этом выгляжу. Знаю одно, танец – порыв внутреннего содержания. Мое тело отлично в этом разбирается и всегда поддается музыкальным вибрациям. Оно само знает, как вести диалог с музыкой.

Вдруг что-то меня возвращает из моего электронно-све-

того, наглухо завинченного алкоголем тумана. Я падаю на пол. Черт, больно – то как... В один миг протрезвела голова, которая раскраивается невыносимым гулом. В такт биению света, я поворачиваю голову и вижу, как кто-то получает серию ударов по лицу, а когда обрушиваюсь навзничь, то и мне прилетает по животу гол. И мне это, к сожалению, не кажется. Разумеется, опомнилась в секунду, но этот миг будто вечный. Собранности нет, есть только шок. Постепенно настигает боль и в голове только одна мысль, главное не порвать босоножки, мать убьет за них!

Со всех сторон ор девиц, что дотрясывают под утро своими несвежими булками. Какая – то беготня. Парни, досматривавшие в окрестностях клуба мой животрепещущий под утро одинокий танец, проносятся вокруг, пытаются ввязаться в драку, чтоб защитить распластавшуюся на полу «танцовщицу», но ребят раскидывают какие-то быки.

Каково же моё удивление, когда сквозь густоту клубного дыма, я узнаю, извиваясь на полу от раскатывающейся по своему телу боли, знакомые ботинки, которые допинавают тела падших клубившихся парней, что штабелями складываются на полу возле меня. Это Славкины шузы. Наполированные, блестят даже сейчас, когда осуществляют серию сокрушительных ударов по уже не сопротивляющимся туловищам. Значит, пророча себе под утро быть убиенной битой по голове рукой благоверного, я почти попала в точку. Меня соскребают с пола Славка и его опричники. Салатовая юб-

ка окрасилась в алый цвет – моя любимая классная «кричащая» о свободе молодости юбка умерла. «Босоножки целы, остальное переживем», – думала тогда я.

Запихивают в семейное авто и увозят. Славка посчитал, что мое тело способно самостоятельно регенерироваться. «Тело-то молодое. Вон сколько дряни в себя всадила за ночь, не сдохла же, значит, и случайные синяки на пользу». А я решила, что телу лучше бы сейчас уснуть. Проснусь, утром убегу на работу. К вечеру костер потухнет, а с углями разберемся. Но, увы.

Дома он усадил меня в ванную, бездыханную, бредившую. Благо Лелька у его Мамаы. Что за расправу он собирается учинить над молодой женой? Ну, не люблю я его. В эти моменты, я его ненавижу, хочу развестись и никогда больше не видеть. Сжечь его тело, а прах развеять над рекой.

Мой законный супруг аккуратно пробежался своими тонкими пальцами по цветному дисплею моего телефона, проверил, нет ли там новых номеров. Как же жалею в эту секунду, что он ни черта в нем не найдет. Не доверяет мне. Признаю, лично я никогда ему не доверяла, а жила с ним потому, что в своей кровинке он души не чает.

Вернулся на место исполнения наказания. Снял свой пиджачок, который мы выбирали вместе на свадьбу Кулачковых, милая парочка, разбежались через три года, а мы им такой свадебный подарок: вложились в покупку семейного авто. Я тогда не понимала, зачем они это сделали, а сейчас,

спустя время, могу утверждать только одно: нет предела человеческому эгоизму, особенно, если этот человек, Кулачкова. Эта по сей день не знает, чего хочет, но «хочет чего-то» постоянно! Кстати авто у экс-семейства Кулачковых Славка забрал после их жалкого разбега себе. Уж не знаю, какими методами.

Но вернемся к сцене в ванной. Рожков аккуратно разместился напротив меня на корточках, взял мою голову в свои руки и поцеловал. Наверное, сочтется странным, но вот такая у него любовь ко мне. Взял душевой шланг, направил на меня и, включая попеременно, то горячий, то холодный напор, отправлял струи потоки отрезвляющей воды.

– Катя, – берет левой рукой за подбородок, – Кать. Послушай, я просил меня не обманывать, ну? Любимая. Слышишь? Ты слышишь меня?

Я не в состоянии стать собранной. Чувствую боль, оглушающую слабость по всему телу, слезы бегут по лицу, перемешавшись с контрастным непрошеным душем. Трезвею. А с трезвостью возвращается реальность порушенных планов: уснуть так и не получилось. План не сработал. И чем трезвее становлюсь, тем оглушительней все эти чувства. Боль, обида, униженность. Ненависть.

– Я... Я не обманываю, – захлебываясь, обрываю я.

– Ну, послушай, ты мне сказала, что поедешь в зеленой юбке. А эта юбка какого цвета?

В его левой руке оказывается моя некогда салатная юбка.

чонка, которая теперь же, напоминая, стала алой, окропившись в побоище на танцполе.

– Катя... – Его глаза наливаются яростью, – Катя, она не зеленая.

Швыряет её в меня. Та обрушивается рядом с моими застывшими на холодном дне ванны коленями. Вода окрашивается в цвет крови. Понимаю, что этим вопросом дело не закончится, и он будет меня тиранить до тех пор, пока губы мои от холодного душа ни начнут синеть, или ступни ни опухнут от струй кипятка.

– Что? Что ты хочешь?

– Я хочу честных отношений. Сказала, что поедешь в зеленой юбке. Сделай так. Сказала, не буду пить. Не пей. Пообещала быть любящей и верной? Будь ею, любимая.

– Я верна, – еле перебираю языком я.

Какой же урод. Ведь он знает, что у меня нет и быть не может другого мужика. Но не доверяет, потому что сам не чист. Я очень люблю жизнь, а имей я любовника, муж без альтернатив постарался бы меня уничтожить, это, во-первых. Во – вторых, Рожков в принципе, когда его личность не выходит за рамки той, что известна мне, неплохой парень, и, может даже, жизненный партнёр, но, увы, явно не мой. И я всегда это знала. Я четко помню день нашей свадьбы, где я, в «утро невесты» рыдая, говорила матери, что не хочу за него замуж. Мама мне тогда сказала: «Не хочешь, не иди, ребенка ты и одна воспитаешь». Так бы может и получилось, если бы мое

опасение тогда воплотилось в жизнь. Но, тут ничего не попишешь, я сижу в ванной.

– Я знаю, малыш. Знаю. Но с юбкой перебор.

Гладит по моим взмокшим волосам, судорожно приближается к дрожащим губам, кусает их жадно. Водружает душевой шланг на то место, откуда он теперь льется без участия его рук прямо на моё тело. По телу пробежали мурашки. То ли от истощения, то ли от озноба, то ли от предвкушения расплаты...

В каком мире я существую... Мельком проносятся мгновения вечернего рейда по тусовочным местам нашего города N, где я отрывалась сегодня, как в последний раз. Где-то в эту секунду в поисках моей личности по клубу бегает Ольга, а может, ее тоже увезли невесть куда. Промелькивают в голове все эти «Владики», брызгающие слюной на меня и мои округлости. Я все еще его жена, но как же, дери его чёрт, иногда хочется, чтобы иногда на тебя у всего окружающего мира вот так стоял и пульсировал, закипая от жажды. Чтобы, роскошное тело ослепляло и сжигало глаза созерцателей, чтобы тряпье, что не намекает, а кричит о «похоти» твоего нутра и наружности, вызывало у мужиков и всех баб живые противоречивые реакции. Это нужно, жизненно необходимо, и лучше для всех.... А дальше я снова кормящая мама, отличная супруга, которая никак ни научится ненавидеть людей, и еще больший друг для своих товарищей, с которыми мне по пути.

Ведь и взаправду же, Славка всегда всё запрещал. Он не понимал, что его запреты меня убивали. Я должна была познавать мир: жизнь мне давала время насладиться им, и в то же время готовила к большой серьезной игре под названием Опыт....

Славка всегда смотрел в ответ на все мои требования и просьбы таким взглядом, что желание отпроситься, как рукой снимало. Появлялось желание сделать назло, в ответ, по-своему. И главное, сделать больно, ведь это отличная расплата за непонимание. А тут вдруг за обедом сам выдал:

– Милая, ты бы что ли тусануть сходила, а то на смерть похожа.

Услышав это, поперхнулась едой. Не вспомню сейчас, то ли у меня всегда была такая реакция на его предложения, то ли я услышала то, что не ожидала услышать в этой вселенной.

– Слав. Шутишь опять?

– Нет. Берешь Ольгу. На маршрутку, и вперед. Подарок любимой жене! А с Лёлькой мама моя посидит. Потанцуешь, выпьешь чуть-чуть вернешься домой и ляжешь спать под крыло к любимому мужу.

Настолько тяжело усваивается информация, выданная мужем в предыдущую минуту. Он, человек, дальше, чем на метр от которого отойти в свете города, категорически не возможно ни при каких обстоятельствах, предлагает мне «тусануть», да еще и с Ольгой? Дамочкой, репутация кото-

рой закрепилась у моего мужа в голове, мягко выразиться, как «занозы в заднице»? Я что, действительно умираю? Или он умирает? Или он что-то задумал? Ищет повод опять свалить к маме? А сам....

Тут надо бы добавить, что Славка – наркоман. Ему нет дела до назначения наркотика. Ему также нет дела и до его содержимого, ни химического, ни физического, главное приход. Наркотиком в его случае выступают азарт и человек в образе меня. Честное слово, в юности видела одну такую парочку на пляже. Он коренастый такой парень, не особо разговорчивый, с улыбкой – ухмылкой. Как охранник, преданный зверь. «Её это мужик», – первое, что пришло мне тогда в голову. Она – загорелая, в купальнике мини, который едва ли прикрывает, что называется «срам». Отметила тогда, помню, что-срам-то у нее знатный. Она, видимо, под влиянием дрессуры отказавшаяся от привычки «трепаться», смотрит на всё вокруг исключительно лишь сквозь него. Сажу на песочке, тушу сигаретку, с которой в таком возрасте на пляже никто меня увидеть не должен, и разглядываю их сквозь очки: «Ах... Ну до чего хороши! Оба! Не отпускает от себя эту лошадь ни на шаг, наверное.... Тоже хочу такого мужика, чтобы уууух! Сказал так, значит так, а не эдак». Сам себе пророк. Заказала – получила.

И будь не ладна эта самая юбка, которая сейчас лежит в ванной, истекает чужой кровью рядом со мной. Ведь не в ней дело. Дело в том, что наркоману стало скучно. Прихода ожи-

даемого нет. Он сам отпустил свою лошадку на вольные хлеба после трёх месяцев домашнего ареста, против которого я, как истинная благоверная, не выступала (а что поделаешь? «Бытовые игрушки»). Думалось, что таков он, союз двух любящих, скрепленный официально узами брака, где надо терпеть, страдать, а не договариваться. От юношеских забав после проставленных подписей за порогом загса сразу же пришлось наотрез отказаться. Не могу жаловаться, я была беременна, мне было не до них.

Вот, что неопровержимо: с Рожковым всегда было скучно. Не могу сказать слова: умный, разборчивый, собранный, проницательный. Та личность, которую я знала, как своего мужа, поначалу личность харизматичная и льющая, как соловей. Мне девице юной было это к лицу. Как оказалось, томилась внутри него и еще личности, которые Рожков скрывал, а выдавать начал после рождения семейных отношений, малыми порциями. Выяснилось еще, что его большая любовь ко мне вызывала у него безостановочное чувство вожделения. Он хотел меня всегда. Не стану скрывать, изначально я безумствовала в полётах эротических фантазий. Сексуальная эйфория помогла сделать множество открытий. Но и она закончилась, и осталась лишь вопиющая тоска. И чем больше мы проводили времени вместе, тем более гнусным становилось это время. Время стало бременем. Казалось, что Славку начала ослеплять буйная животность, где у него включается режим автозапуска, при котором он не мо-

жет более контролировать ни свои телодвижения, ни свою речь, ни даже свои дела. А на мои умолительные призывы остановиться делать и выяснять то, чего нет и не будет, он вооружался безумием и крушил остатки нашего псевдосемейства идиотскими не существующими псевдоаргументами. После каждого такого законченного победоносного залпа (после, того как он распускал свои малюсенькие ручонки) Рожков вырубался спать моментально, а я убегала, рыдала и озадачивалась тем, что пора бы решиться оправдать его «кричащую» фамилию. Бежала я чаще туда, где меня никто не мог услышать. К бабушке на квартиру в центр города, где прошло мое детство. Там всегда пахло сыростью. Это не меняется, как и то, что там быстрее лечились раны.

Не передать словами, насколько сильными и глубоко удручающими были впечатления от ежедневных растлений. Я была растоптана не только физически, мне казалось, что у меня отняли моральное право на существование. В попытках поделиться этим сокровенным самоощущением с мамой, я всегда наталкивалась на стену. Я не могу сказать, что ей было все равно. Нет. Она просто не знала, что говорить, и как сказать. Мама не «болтала» об интимах. Бьет – значит... В общем, всё, что бы он ни «делал», в ее понимании, или скорей, полном непонимании, было выражением неистовой любви к своей молодой супруге (быть может, она просто хотела его убить, но внешне этого так и не выдала?). А отец, после того как я вышла замуж, перестал со мной говорить.

Вот только сейчас прошел месяц после того, как мы начали общаться. До того дня он молчал год. Он не мог терпеть моего поражения. Выйдя за Рожкова, по его мнению, я проиграла. Но на самом деле – это было начало серьезной игры под названием Жизнь. Моя жизнь, где я выйду победителем.

И вот сегодня он разыграл этот театрализованный спектакль со сценой ревности, насилием, показухой. Заставил меня поверить в то, что мы вышли на совершенно новый уровень наших взаимоотношений, и молодая лань может себе позволить погулять на соседней лужайке лишь для того, чтобы развеять свою скуку. Я не давала видимых поводов усомниться в себе. Вернее, поводов было предостаточно, но я всегда уверенно держалась в игре и гордо продолжала сохранять женское достоинство. Покорно выполняла все супружеские обязанности. Выходила в животе малыша, в 20 уже стала мамой самой замечательной куколочки с глазками – пуговками, точь – в – точь, как мои.

Дом – работа – дом. Вся эта картина превратилась в безысходную каторгу. Сначала игра в дочки – матери доставляет некоторое удовольствие: новая роль, взрослые обязательства, но даже тут я умудрилась выделиться, связавшись с мужчиной, приоритеты которого совершенно так и не постигла до самой его кончины. В семье основной приоритет – дети, а дети всегда хотят есть. К сожалению, кормит их не всегда отец.

– Катя, – схватив за волосы всё в той же ванной под струей

обжигаяще ледящей воды, звучит дрожащий голос – Катя, не бросай меня! Никогда.

Смотрит на меня и ревет. С моих глаз тоже катятся слёзы. Я безмолвно стону от боли и морального уничтожения. В животную игру Рожкова снова включается одна из его не известных мне личностей. Жутковато. Сейчас я не узнаю его ни по словам, ни по резким движениям его рук, рвущих мне волосы на голове, при этом притягивающих её в свою сторону, чтобы вцепиться зубами в ухо. Впечатление такое, что это другой человек с нечеловечьей плотью в облики Славки.

– Слава, хватит. Ты меня искалечишь...

– Дыши, ты сегодня опоздала домой, любимая.

И продолжает хлестать меня по голове, но уже не ладонью.

Наконец, всё заканчивается. Мёртвая хватка ослабевает, он выпускает меня из своих рук, в которых остались клоки моих длинных волос. На теле остаются новые ссадины, а в душе поселяется обида, томная грузная обида. Он умудрился в один день подарить надежду и тут же ее отнять: выпустил птицу, а с привязи не отвязал, и дёрнув на себя, не оставил в душе ничего.

Я остаюсь в ванной одна. И теперь нет мне уже дела до температуры воды и закипающей в контрасте с ней температуры моего тела. Сколько же раз я отгоняла от себя мысль о том, что рядом с ним мне не быть счастливой. Сколько раз оказывалась загнанной этими вопросами в угол. Я всегда себя убеждала, что это самые яркие моменты в жизни, с ними

путь насыщеннее. Существовать в напряженных скачках было интересным, но часто приводило к эмоциональному упадку. И даже это я себе объясняла тем, что так интересней.

Раннее утро. Я отвезу дочь к родителям, как и запланировала, а сама попробую добраться до работы и принять решение: как жить с этим ублюдком дальше.

Умываюсь. Отключаю воду, которая была сегодня утром меня каплями беспощадно, то леденя, то вываривая в кипятке. Добредаю до кухни, глотаю залпом кофе, вслед за ним влетает что-то от головы в двойной дозировке. Молча вглядываюсь сквозь нелюбимые шторы, выбранные главной женщиной этого дома, не мной, разумеется, в иллюстрацию просыпающегося города в окно. Неужели в такую рань не терпится этому парню с метлой привести улицу в порядок? Да и подметать особо нечего, в отличие от меня. В моей жизни давно пора навести порядок. Закрывать всё на карантин, никого не впускать и устроить чистку с дезинфекцией.

Лёлька досыпает в машине, я поддерживаю состояние полусна (лучше, чем уснуть за рулём) стаканчиком крепкого кофе, попутного захваченного с собой у его матери. Любимый напиток Людмилы Петровны и ее сыночка. Точнее, не сам кофе, боже, нет. Скорее, кофе – дополнение к пойлу, которое всегда наполняет ёмкость прежде, чем туда вливается напиток, смешанный кипятком. Как же они похожи: говорят, двигаются одинаково, и одинаково эгоистично думают – мама и сын. Он, с*ка, счастливый человек!

Как могла, закрасила лицо. Всё-таки оно – главный атрибут моей деятельности, не годно руководителю косметологического кабинета выглядеть, как позавчерашнее овощное рагу. Путь до родительского дома неблизкий. Живут за городом. Воскресное утро. Вся семья трапезничает. Сейчас и меня начнут убалтывать с ними пообедать. Всё бы ничего, да вот атаки Рожкова и его вчерашние действия никак не дают мне прийти в себя. Состояние такое, что хочется остановить посреди дороги машину, выйти из нее, улечься в еще не растаявшие сугробы и лежать, пока вместе с ними ни растают тоска и злоба. Неужели, будучи юным парнем, Славка именно так себе представлял жизнь семейную? Зачем обзаводился женщиной? Зачем просил родить ему ребенка? Зачем посадил меня в «тюрьму»? А зачем я подписалась на это всё? Моя бабушка говорила: «Влюбилась без оглядки, а лучше б об учебе думала. Если что, я тебя предупреждала». Бабушка моя – это та женщина, которую я поняла только после ее смерти. Лишь после этого я осознала, как же много она в меня вложила, и как же неисчерпаемо много она для меня сделала. Чем строже к тебе человек, тем более ты ему не безразличен. Она научила меня жить не без любви к себе, и с душой относиться к каждому на этой планете.

Я думала об учёбе и даже пыталась закончить с отличием институт, получив профессию, которая мне была не по душе, профессию управленца. Я понимала точно, что управленец своей собственной жизни из меня выдался в первой ее

половине весьма неудачный, за исключением того, что работу свою я выполняла безукоризненно. Моя клиника начиналась тогда же, когда зародился и брак. Всё ново. Вот только супруг, как оказалось, работать не приучен. Жрать нечего. Потому добытчицом стала я – руководитель малюсенького кабинета с двумя специалистами – консультантами и парой медицинских работников. Девчонки отменные, молодые, талантливые. Я – радостная, что-то своё творю, окунаюсь вся в работу. Время на работе было сплошным удовольствием, с какой стороны ни глянь. А главное работа – это мое все. Это храм моей души. Это то место, где я растворяюсь и превращаюсь в загадочную травяную фею.

Подъезжаю к родительскому дому. Лёльку водружаю на руки, ох, и откормила же я ее. В гостях у родителей всегда тепло. Мама по свойственному выходным дням распорядку напекла блинов. Еще в это время года суется над тем, что скоро настигнет пора рассады. Я в этом не особо разбираюсь. Папа как всегда в курсе последних событий в мире. Уж не знаю, как ему удаётся всегда быть сведущим во всех жизненных вопросах. Ему бы в пору быть политиком. Разборчив во всем, несмотря на то, что телевизор в этом доме загорается крайне редко, чаще время проходит за семейной игрой «Штука». Они не любят шумихи, но очень гостеприимны, люди в их доме не редкость. И, тем не менее, сейчас я не хочу составлять им компанию. Я просто не готова.

– Всем привет, я вам Лёльку оставляю до вечера. После

всех важных клиентов заберу.

Мне категорически не хочется попадаться на глаза отцу, ведь он тот человек, от которого не скрыть суетливого внутреннего состояния его маленькой любимой "Катёны". Когда я родилась, он был в армии. Приехал, а тут я, щекастая двухгодовалая матрёшка. Идти к нему на руки я не хотела, но привыкала недолго, а привыкнув к его рукам, ни на чьи бы другие не променяла. Вот почему, любовь его чувствую всегда.

Но я обречена встретить в прихожей именно его. Скрыть своё эмоциональное возбуждение удаётся едва ли.

– Дочь, а ну хоть блинчик со стола сопри?

– Па. Время.

– Кать, всего один блин.

Всячески стараюсь поменьше мелькать не выспавшимся лицом и не самым опрятным внешним видом. Но убежать вот так просто не получается.

– Морщины Сорокиной сами по себе не разглядятся. Мне нужно бежать. Не хочу опаздывать. Я чувствую, что могу ей помочь. Ее седьмой брак не за горами.

– Кать, – перебивает меня отец, – Катя, всё в порядке?

– Пап. Давай вечером?

Целую в щёку. Вручаю курточный свёрток с Лёлькой. Захлопываю дверь, убегаю. А ведь отец единственный, с кем я могу поделиться чем угодно. И я сама этой возможностью пренебрегла. Что тут скажешь. Я не хочу его расстраивать, и

мне думается, он сам всё понял. Сажусь в машину. Впереди целый день возни с лицами людей, чья цель вернуть молодость или изменить себя внешне, устранив видимые или не очень, изъяны. Иногда, рассуждая о сфере своей деятельности, я начинала искренне сомневаться, что результаты, хоть и значительные, делают обращающихся к нам счастливее. Упущенное время – необратимо. Молодость – состояние души. Устранив признаки старения на коже, ты лишь устраняешь следствия, которые никак не могут повлиять на самое главное, причину любого жизненного процесса. Ведь причина – сама суть.

Включаю музыку на полную громкость. Вспоминаю вчерашние завистливые взгляды девок с танцпола. Они мечтают, чтобы из-за них так разносили в кровь мужские тела, а я думаю, как сбежать от этого. Прокручиваю события вечерних загулов. И тут вдруг всплывает в голове персонаж: боксер из ночного клуба. Он приглашал на тренировку. Отличная идея – надо проветрить мозги. Славка не нашел его номер телефона вчера в книге. А я нахожу, вот он, «Лысая Светка». На самом же деле Свету зовут Толя. Набираю. Гудки...

– Да. Алло.

– Привет.

– Привет, Катя.

– Откуда ты знаешь, что это я?

– После вчерашней драки в клубе тебя знает весь город.

Я ждал твоего звонка.

– Предложение в силе? Возьмёшь молодую мать психотерапией позаниматься?

– Приезжай завтра. Тебя возьму. У тебя юбка классная!

В детстве мечтала бить по груше. Надо наверстывать упущенное. Посмотрела в зеркало на свое лицо. Я хороша даже после таких кружевных вечеров. Жалею об одном, о моей салатовой юбчонке....

Итоги дня: кожи благодарных женщин всех возрастов и статусов на сегодня подтянуты, прыщи на стадии устранения, мешки под глазами превращены в однотонную матовую поверхность. На работе день прошёл под любимый зеленый чай и музыку релаксирующего радио. Явный диссонанс по сравнению с утренним настроением. Нет нужды в кофе и последствиях от него в виде нервозности и трясущихся пальцев на руле. Музыка звучит, лечебными вибрациями, накладываясь на искаженное восприятие действительности. Мой кабинет – мой улиточный дом. Его я здорово оснастила. Ведь он – отражение меня. Здесь красивые дизайнерские полочки, длиннющие шторы в пол, мягкий диванчик для приёма различных персонажей, чтобы сами расслабились сразу же при входе в мою обитель, и меня не грузили. Изобилие комнатных растений, сложенные стопочки документов с моими подписями и личной проверкой каждого. Подушечки и много лазурного и небесного цвета во всех мельчайших деталях декора. А главное Икона, которая досталась мне от бабушки.

Здесь – мое внутреннее содержание.

Оснащённый первоклассной акустической аппаратурой кабинет, обзавидуешься. Музыка – одно из средств, выводящих из любого окисляющего твоё нутро, состояния. Именно потому я и позаботилась, чтобы здесь, в том месте, где я творю и созидаю красоту, было умиротворённо и мелодично, во всех смыслах. Кстати, именно музыкой можно меня подкупить в любых вопросах. Я оббежала уйму мест за свою юность до брака: от нестандартных фестивалей до концертов классической симфонической музыки.

К концу дня накатывает лавиной засыпания. Звонок на рабочий.

– Каатя!!! Катя, ты живая? Твою ж мать! Что это вчера за торнадо на клуб налетело?

Голос подруги, которая, как и я, явно еще не сомкнула глаз после вчерашних настроений. А мне уже смешно. Ощущается, что эта женщина вывернула наизнанку весь наш славный город. Не удивлюсь, если набравшись смелости, и до Славки доехала.

– Оль, спасибо за заботу. Жива. Даже успела пару лиц сегодня принять.

– Ты что, на работе? Я сейчас приеду! Где у тебя мобильник? Звоню без остановки!

– Оль, дома он. Не нужно приезжать. Я в порядке. Знала, что надо ожидать подвоха. Но праздник удался, теперь до старости эту гулянку вспоминать будем.

– Дура! Я еду.

И приехала. Не прошло и получаса, как в дверях моего кабинета оказалась Ольга, вся взмокшая с пучком на голове взъерошенных волос и бутылкой пива, из которой залпом отпила добротный глоток вместо «привет». С ней был ее брат, Валерка, которому она периодически давала глотнуть пивка и затянуться сигареткой, на что взамен братишка маме сестру – боевую подругу не сдавал. Свалились оба на диван, и Ольга сразу принялась буйствовать о том, как ей было жутко, страшно, и о том, что она ползком добралась под барную стойку во время налёта моего муженька вместе с его быками.

– Что это вообще было такое? Он тебя бил? Катя, ты сказала, что у тебя всё на мази...

– Оль, я также тебе неустанно говорила о том, что всё-таки не надо забывать, что это «РОЖКОВ». И можно ожидать волшебства с разных сторон, помнишь?

Проговорили до самого глубокого вечера. Это была просто болтовня: о том, о сём, о мужчинах. О том, как смириться с тем, что подобных историй, в случае моего полного повиновения и закрытия глаз на произошедшее, будет еще великое множество. О природе, о машинах, о работе, и, конечно, Владика вспомнили из «вчера», что так отчаянно пытался показать себя героем вечера. Жаль, но его вырубил первым. И это тоже было смешно. А Валера, тем временем играя в телефоне, слушал нас и мотал на ус, периодически потягивая пива из бутылки сестры.

Забрала Лёльку у родителей, пока они провожали гостей. Разговора с отцом удалось избежать. Поехала в сторону того места, где сегодня испытала непередаваемые ощущения, которые пережёвывать не хотелось, да и не имело смысла. Из последних сил держусь, физическая усталость даёт о себе знать. Лёлька, укутанная в новую куртку и перемотанная шарфом, снова отключается на заднем сиденье. «Мама», – подумала я, оценив переодетую дочь и улыбнувшись. Как бы мне не хотелось, чтобы взрослеющая дочка принимала участие в подобных сценах и была свидетелем материнских мытарств.

Дома, так принято называть место, где живешь в определенном промежутке своей жизни, всё без изменения. Рожков в комнате выясняет криками с кем-то отношения, отклонение от сроков поставок какого-нибудь непонятного груза в город. Как он добывает себе на хлеб, мне не очень известно. «НАМ» добываю на хлеб я, а он тратит добытое на себя и шмотки. Боже, я вышла замуж за ранимую бабу. Раньше, латки на трассе с пирожками горячими делали наш семейный бюджет, а точнее макаронные изделия на моих ушах. Теперь при обсуждении ввоза в город «пирожков», он закрывает в комнату дверь и только кутает бранью того, кто на том конце провода с ним объясняется.

Произодшее ночью на обсуждение никто естественно не поднимал. Спокойный ужин. Молчаливый. Славка изредка отходит в соседнюю комнату для того, чтобы на кого-то

рвякнуть в трубку в очередной раз. В общем, у меня тоже никакого желания улыбаться. Без всяческих эмоций уплетаю ужин, укладываю малую спать, бреду в сторону супружеского ложа сама. На тумбе возле кровати маленькая лазурного цвета коробочка. Славка таращится в окно сквозь телефон задумчиво и как бы невзначай кидает:

– Тебе вон. Ты просила, кажется.

Открываю коробочку, лазурную, любимый цвет. Там брошь. Красивая. Но я просила серьги! Брошь эту я никогда так на себя и не надела, и вскоре подарила ее уборщице моего лазурного медицинского кабинета бабе Варе за ее красивые глаза.

Около пары месяцев мы прожили рядом вот в такой про-страции, лишь перекидываясь бытовыми фразами. Он меня не трогал. Однажды сквозь сон закинул огромную руку на спину, но, видимо, опомнившись, сразу же убрал. Что до меня, я возила с собой малую на работу. Прихожане, да и девочки, во времена моей суровой занятости возились с моим маленьким кульком, до тех пор, пока я не обзавелась няней. А няня мне нужна была как воздух, ведь я начала ходить на бокс. Толюсик научил меня дружить с мужчинами, быть им подругой, а не мясом. Я любила ходить к нему на тренировки. Я бежала. Отменяла записи, придумывала тысячи разных причин, чтобы просто прийти, надеть на руки перчатки и забыть про всё, просчитывая ходы и удары, слушая при этом его исповедь об отношениях со своими благоверными, кото-

рые менялись с периодичностью в восемь дней. Выкладываясь по полной, я превращалась в совершенно другого человека: передо мной открывался новый мир, я чувствовала запах другой жизни. Это давало мне сил жить, не задумываясь о плохом.

Разумеется, об этом узнал Рожков. Пришел, как полагается, на тренировку, увидел свою жену. А та стоит в спарринге, как оказалось, с его бывшей любовницей. Я опомниться не успела – он так быстро исчез, даже не подошел к нам. Когда мы вдвоем вместе с его любовницей сидели в сауне уже после тренировки, Вика (понятно дело, не зная, что Рожков мой муж) рассказала, как плох мой горе – муженек, и заодно поведала печальную историю о том, как он ее кинул на деньги. О себе я тогда услышала много, но это было для меня не важно. Она, когда увидела его прикованный ко мне взгляд, подумала, что он на меня запал. Даже забавно, но эта дамочка, Виктория, меня начала ограждать, чтобы я не попала на удочку Славки. Пока я была в душе, мой мир летел к чертям. Я вышла из душевой и в сердцах повисла на Толе, разрыдавшись у него на плече....

Рожков на время стал шелковым. Лёлька менялась на глазах. Росла. Я окунулась в работу, когда вдруг в один из дней по возвращении с неё, услышала от мужа:

– Кать, мы переезжаем на следующей неделе. В квартиру. Я доделал ремонт.

«Чувствует за собой, Сука», – подумала я.

Еще глоточек шипящего внутрь Екатерины Великой. Сегодня она восходит на престол. Пусть и не государственного значения восхождение, но это моя маленькая победа. Сериал «Игра престолов» влияет на всех. Увы вот и я в его секте.

Стою всё так же у окна и продолжаю восхищаться панорамными просторами всего нашего светлого города.

–Привет красавица! -подлетает сам собственной персоной. Ко мне Валера.

–Валера? Привет! Ты так вырос?

–Катя я уже женат. И у меня сын-отвечает мне брат мой самой безумной за всю истории моей жизни подруги Ольги.

–Как быстро идет время. Ты какими судьбами здесь?

–Я теперь Екатерина Викторовна работаю на Вас.

–Вот это новость. Столько времени прошло. Столько сил и энергии! А помнишь ту суетливую Катюку, которая была убеждена, что без «летающих тарелок» невозможно бытовать! Никак! Чем больше тарелок пролетело, тем лучше и правдоподобней, «живее» ...

–Я помню все. Ведь благодаря вам Екатерина Викторовна у меня самая лучшая жена. Вы с сестрой постарались мне объяснить каких женщин надо брать –стоя с бокалом прохладительного, с холодным жизненным отчетом в глазах в дорогом костюме, говорит мне уже теперь Валерий Сергеевич.

– Нам каждому нужно дойти до всего самими.... – исповедую я.

Мы переехали. Здесь всё по-другому. Надеюсь, теперь мы запоём новую песню и желательно на новый лад. Здесь ничего лишнего, уместны все детали: исполинская, но очень утонченная кровать в нашей комнате, застеленная кофейного цвета постельными нарядами, с огромными подушками, в которых можно затеряться, шкаф, очень уместно вписанный во всю стену с потолка до пола с зеркалами, что любуйся на себя – ни налюбуйешься. Светильники на высоких белых ножках, как застывшие стражи спальни, шторы, цвета шоколада, весомые, ощутимо и видимо тяжелые, окна панорамные (многие знают про мою слабость к проникающему в комнаты свету). Зал огромен. Пол наичистейший светоотражающий, смотримся вдвоем с малой в него, как в зеркало, и смеемся. Ну, надо же. Пол – как каток ледовый.

Веет свежестью, в прямом и переносном смысле, переезд – начало новой эпохи. С «Этим» ли, без него, мне становится однозначно понятно: здесь пахнет новой жизнью, и этот запах мне определенно нравится.

Рожков с его ребятами вносят последние сумки в наше новое жильё, у меня на руках Лёлька. Малышка толстыми ножками хочет пройтись парочкой крепких шажков самостоятельно по новым хоромам.

Да... Вот здесь я хочу встречать весну. Здесь хочу насла-

ждаться семейным бытом, который до сей поры вил в углах моей головы только мрачные тени. И я, естественно, вдохновенно жду, как тронется лёд, на простирающейся под окнами моей квартиры городской набережной. Вид великолепный, надо признаться. Лёльку на пол, пусть развлекается. Я в спальню, бегло окидываю картинку улицы. Стоп! А зачем торопиться? Это ведь теперь мой дом, хоть обсмотрюсь.

– Кать, ты что? Первой в дом кошку!

– Вместо кота сегодня только Лёлька - отвечаю я сухо.

Можно было и не отвечать, вчерашние финальные сборы до сих пор не отпускают голову. Разорвал джинсы, порезал пальто. Придурок. В этот раз ему не угодило то, что в пальто оказалась визитка офтальмолога Витько. Вячеслав Борисович отменный специалист, вручил мне свои координаты, когда его супружнице мы подтянули лицо, которое, скажем так, чтобы не обидеть, выглядело как тесто для пиццы. Вроде, материал годный, но не в качестве женского лица. Визитка пролежала порядочное количество времени. С тех пор, как опадающие листья осени сменились снежными хлопьями зимы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.